

Бердяев Н.А. Судьба русского консерватизма

Судьба русского консерватизма очень своеобразна, в ней чувствуется историческая ирония. Консерватизм властвует в русской жизни и держит в тисках ее творческие силы, но он умер в литературе, он не существует как идейное направление. У нас нет консервативной идеологии и быть сейчас не может. Это характерно: ни один консервативный журнал не может существовать в России, всякое консервативное журнальное начинание замирает от равнодушия читателей, от отсутствия литературных сил. Консервативный журнал просто никому не нужен, для него не существует никаких задач, никаких вопросов, теоретических или практических, подлежащих решению. Ведь самая суть русского консерватизма, торжествующего в жизни и уничтоженного в литературе, в том и заключается, что все вопросы и задачи он распределяет по разным департаментам и призывает к их решению власть имеющих. При такой точке зрения и при таком настроении для литературы не остается ничего, ей нечего делать, она может только производить следствие и доносить. И деятельность консервативной печати почти целиком теперь слилась с деятельностью одного из департаментов, наиболее далекого от каких бы то ни было литературных и идейных задач.

Просмотрите любой номер, «Русского Вестника». Можно ли там найти хоть одного настоящего писателя, хоть одну идею, хоть какой-нибудь материал для литературного чтения? Даже самые крайние консерваторы предпочитают читать прогрессивные журналы. Была попытка создать боевой консервативно-клерикальный журнал «Русское Обозрение», но попытка эта потерпела самое постыдное фиаско. В истории наших консервативных журналов всегда было что-то морально нечистоплотное. И в литературную семью не могли быть приняты те, от кого можно было ожидать всякого рода предательства, предательства литературы власть имеющим. Идейным может быть признано лишь то литературное направление, которое уважает идею, свободную мысль и литературе придает самостоятельное творческое значение.

Но консерватизм нашел себе приют в газетах, тут его царство. Долгое время в Петербурге не было ни одной настоящей, принципиальной газеты и только в самое последнее время, под влиянием новых настроений и ожиданий, возникли «Наша жизнь» и «Сын Отечества», которые удовлетворяют требованиям от идейных политических органов. И это понятно. У нас не могло не быть монополии так называемых консервативных органов ежедневной прессы, эта монополия создавалась теми тяжелыми условиями, в которых находится наша печать. Консервативные газеты могли говорить тогда, когда другие были вынуждены молчать. В то время как журнал должен иметь

литературные дарования, какие-нибудь идеи и творческие задачи, газета может обойтись без всего этого, как это, к сожалению, доказывается существованием уличных газет. И долгие, темные годы в повседневной прессе царствовало «Новое Время» и владело сердцами огромной массы русских обывателей. Было бы слишком много чести назвать этот орган консервативным, так как в названии этом есть все-таки намек на какой-то порядок идей, какое-то направление. О, мы прекрасно знаем, что «Новое Время»^{3*} может быть и либеральным, может запеть какие угодно песни, когда минута этого потребует, когда это будет удобно и выгодно, оно никогда не станет по-донкихотски защищать консервативных идей, над которыми будет смеяться «ново-временская» улица. «Новое Время» останется в русской истории как символ пережитого нами позора, как яркий образец литературного разврата и проституции. «Московские Ведомости» и «Гражданин»^{4*} лучше «Нового Времени», но что сказать о консервативной мысли, которая приютилась в этих органах? Русский консерватизм целиком разрушился в нынешние «Московские Ведомости» и это достаточно показывает, насколько драматична его судьба. Присмотримся ближе к истории консерватизма и его природе.

Когда-то в русской литературе была настоящая консервативная идеология — славянофильство. Это было идейное направление создавшее очень своеобразное и интересное мирозерцание, и оно было богато яркими и крупными дарованиями. Славянофильство — двойственно, это не просто консерватизм, в нем было очень много элементов прогрессивных, требований общих с противоположным западническим лагерем. В славянофильском учении своеобразно сочетались два противоположных начала — власти, авторитета, и — свободы, и этим сочетанием была предрешена дальнейшая печальная судьба славянофильства. Старые классические славянофилы были романтики, они не любили реальной, позитивной власти, не хотели ее для народа и символически возложили ее на одно посланное Богом лицо. Таким образом пришли они к мистическому оправданию власти и романтически мечтали соединить эту власть с свободой народа, которому предоставляли мысль, думу. Славянофилы брали под свою защиту права личности и хотели утвердить ее вольности без ее воли и помимо ее воли. Это было чудовищное противоречие: свободу нельзя было построить на противоположной ей власти. Романтика разложилась у эпигонов славянофильства и начало власти окончательно поглотило начало свободы. И истинный романтизм, который не может подвергнуться реалистическому разложению в процессе истории, должен искать не мистического оправдания власти, а мистического оправдания свободы, должен утвердить не два взаимоисключающих принципа, а один — волю к свободе, а не волю к власти, какое-то окончательное, для всякого человеческого существа желанное безвластие.

Славянофилы мечтали о том, чтобы власть пожелала свободы народной, только такую власть они считали истинной, мистической и горячо клеймили власть историческую, порабощающую народ. И теоретические соображения и исторический опыт учат нас, что пожелать народной свободы может только воля самого народа, а не власть ему противоположная. Историческое развитие человечества к окончательной, мистически оправданной свободе может совершаться только путем растворения власти в воле каждой человеческой личности, творящей для себя желанную свободу: и путем ограничения всякой власти, даже власти народной, неотъемлемыми, абсолютными правами личности. И замечательно, что диаметрально противоположное славянофилам учение о власти, — учение о народовластии, о народном суверенитете, тоже впадает в одну из форм государственного позитивизма и в нем также начало свободы поглощается началом власти. Если славянофильство выродилось в консервативную государственную казенщину, культивирующую сильную власть и воздвигающую гонение на жажду свободы, то и позитивистическое учение о народовластии может выродиться в демократическую казенщину, в столь же реакционное культивирование власти насчет свободы. И мы должны решительно противопоставить всякому государственному позитивизму, всякому культу власти романтический культ свободы, культ безвластия. Проблема отношения власти и свободы — основная проблема человеческой истории и самым тесным образом связана она с пониманием смысла мирового процесса. И тут есть два противоположных полюса, два типа мистицизма — мистицизм власти, с роковой неизбежностью перерождающийся в позитивистический культ государства, в казенщину, и мистицизм свободы, освещающий ярким светом всемирно-исторический процесс освобождения человечества и охраняющий романтические мечты человеческой природы. Старые славянофилы хотели соединить эти два типа мистицизма, слить два пути и были жестоко за это наказаны, были опозорены своими продолжателями, подхватившими только одну половину их учения, только идею власти и доведшими ее до того, что исчезла всякая идея и осталась одна власть, голая, ничем не прикрытая и бесстыдная. Славянофилы верили в великую миссию русского народа, но миссия эта должна была быть осуществлена для них через свободу, мистическая власть помогала этому осуществлению, освобождая народ от политики, от забот о делах мира сего. Во всяком случае для старых славянофилов власть не была единственным орудием осуществления нашего национального предназначения. Они идеализировали старые формы властвования и пытались приковать к ним творческий национальный дух, но для них все-таки существовали творческие задачи, к решению которых призывалась свобода.

Что случилось дальше с нашей консервативной мыслью? Она развивала одну половину славянофильского учения, заложенное в нем начало поклонения авторитету и соединилась она с традициями не литературными и не идейными, — с традициями нашей государственной практики. И поклонение идее власти незаметно перешло в холопство перед фактом власти, перед казенщиной жизни. Мистицизм славянофилов роковым образом переродился в государственный позитивизм Каткова, который снял романтический покров с учения о власти славянофилов и глумился над их идеализмом. Катков был выдающийся, первоклассный по своим дарованиям политический публицист, но у него мы уже не видим никакой консервативной идеологии, никакой религиозно-философской санкции консерватизма, тут уж все задачи человеческой жизни возлагаются на власть и не остается места для свободы, проповедуется поклонение оголенной казенщине. Ученики и последователи Каткова пошли еще дальше, они не имели его таланта, потеряли всякую связь с идейно-литературными традициями и всю свою литературную деятельность свели к тому, что на разные лады начали взывать к полиции. Консервативные журналы субсидировали, старались поддержать, но их ненужность, их нелитературность делали невозможным не только процветание, но даже жалкое существование этих quasi-литературных предприятий, прикомандировавших себя к соответствующим департаментам. Того значения для государственной власти, которое имел Катков, все эти жалкие консервативные литераторы, не обладающие даже именем собственным, не могли иметь, а в литературе, в мире идейного творчества для них нет места. Консервативный литератор в настоящее время почти что *contradictio in adjecto*, так как парадоксальный процесс нашей истории убил консерватизм, как факт литературный и идейный, укрепив его власть в жизни.

Одинок в стороне стоит только крупная фигура К. Леонтьева, создавшего очень оригинальную и глубокую религиозно-философскую концепцию, оправдывающую самое мрачное реакционерство и человеконенавистничество. Но Леонтьев был очень индивидуален, для его идеологии трудно найти место на большой дороге нашего консерватизма и он бесполезен, не нужен для практических целей консервативной казенщины, он слишком романтик и утопист.

И вот началось бегство из консервативного лагеря всего живого, талантливого и честного. Особенно важно отметить бегство Вл. Соловьева. Мироззрение Вл. Соловьева сложилось в атмосфере консервативно-славянофильских традиций и определяющее влияние на него оказала идеалистически-прогрессивная сторона славянофильского учения. Если в старых славянофилах совмещались и Катков и Вл. Соловьев, то в дальнейшей судьбе славянофильства эти противоположные начала разъединились и стали

друг против друга, как враги. Вл. Соловьев выступил блестящим критиком нашего консерватизма и национализма, раскрыл непримиримые противоречия между казенщиной и универсальными началами христианской религии. В «Национальном вопросе»⁵ Соловьев с особенной силой настаивал на безнравственности и безбожности практики консерватизма, всего этого человеконенавистнического, реакционного национализма, угнетающего дух. Вл. Соловьев показал, что в консервативном лагере оставаться невозможно, что практика нашего консерватизма несовместима не только с идеализмом, но и с какими бы то ни было идеями. И это было огромной заслугой перед русской литературой и русским обществом. Но начала власти и свободы продолжали бороться в этом крупном мыслителе и большом человеке и до конца дней своих не преодолел он этой раздвоенности, не мог сбросить этой давящей идеи власти. Поэтому Вл. Соловьев так и не пришел к определенному социально-политическому мировоззрению и его принципиальное отношение к либерализму и социализму оставалось неясным.

Бежал из консервативного лагеря еще один человек, очень даровитый и в высшей степени своеобразный, я говорю о В. В. Розанове. Розанов писал в консервативной печати, служил консерватизму, но и там всегда был представителем романтики, а не казенщины, был не нужен для настоящей практики консерватизма. Мистицизм Розанова искал оправдания и освящения жизни, чтобы сделать жизнь радостной. Но санкция жизни может быть только религиозной, и вот Розанов хочет дойти до самых глубоких и самых первоначальных корней религиозного сознания человечества. Он идет от христианства к иудаизму и древнему Вавилону, ищет религии рождения, а не смерти, религии радости жизни, а не мрачного ее отрицания. Такому человеку нечего делать в консервативном лагере, для него должна быть ненавистна практика мрачного реакционерства, казенная, а не мистическая санкция жизни. И Розанов неизбежно должен прийти к решительному радикализму, к мистицизму свободы, а не мистицизму власти. Вероятно, Розанов никогда не придет к определенным и ясным социально-политическим взглядам, он останется наивным, его мало интересуют вопросы внешнего порядка жизни, но по духу своему он должен быть самым крайним радикалом и должен был бы об этом заявить. На эволюции Розанова мы еще раз убеждаемся в окончательном духовном банкротстве русского консерватизма, в невозможности у нас какой бы то ни было консервативной идеологии.

Консерватизм может быть романтическим и может иметь настоящее литературное представительство только в той стране, которую он не давит своей властью в жизни. В России он только — казенщина, никаких творческих задач он не в состоянии ни ставить, ни решать. Все жизненные интересы страны находят себе отражение в нашей передовой печати, все вопросы разрабатываются тем или другим из наших прогрессивных

направлений. На долю консервативной печати выпадает только одна задача — задержать ход жизни, погасить поставленные мыслью и жизнью проблемы. Но это ведь задача мало литературная и для выполнения ее призваны другие, более компетентные и более властные органы.

А теперь посмотрим, каковы теоретические основы консерватизма. Славянофильство пыталось дать мистическое оправдание консервативным устоям государства, церкви, семьи, искало религиозной санкции для воплощения власти на земле. И позднейшие консерваторы все еще прикрывали свою духовную наготу мистическим покровом и свое чисто материалистическое насильничество оправдывали высокими, идеалистическими словами. Но торжествующая реакция сорвала этот покров с нашего консерватизма и обнаружила его настоящую природу, которая яснее всего просвечивала у Каткова.

Религия русского консерватизма есть религия государственного позитивизма. Только государственный позитивизм может быть оправданием казенщины и только его слуги могут молиться Богу власти. Под государственным позитивизмом я понимаю систему, которая в свободе и правах личности не видит абсолютных ценностей и считает государственную власть источником, распределителем и расценщиком всех прав и даже всех стремлений человеческого духа. Вся духовная культура для государственного позитивизма творится не в личности, через личность и для личности, она должна проходить через санкцию власти и материалистические орудия насилия тяготеют над всяким свободным творчеством. С религиозно-философской точки зрения вопрос может быть поставлен так: в чем воплощается сверхчеловеческое начало на земле, в человеке, в личности, которая должна быть поэтому признана суверенной, или в какой-нибудь власти, над личностью стоящей, в государстве, в организованных коллективных единицах, присваивающих суверенность себе? Это самый основной вопрос и от его решения зависит и все наше мирозерцание, и все наше отношение к жизни, к историческому процессу.

С нашей точки зрения последовательный мистицизм может признавать только теократию и тем самым должен отрицать всякую другую «кратию». И мистицизм неизбежно перерождается в позитивизм и даже грубейший материализм, если он признает земную власть воплощением власти небесной и государство посредником между личностью и началом сверхчеловеческим. Начало власти по существу своему материалистическое, оно принадлежит природному, связанному, скованному бытию и ему противоборствует заложенное в глубинах мира духовное начало свободы. Путем от «природы», рабской, заключенной в тиски «необходимости», к Богу, к сверхприродному и сверхчеловеческому бытию может быть только освобождение и его носителем и творцом

может быть только личность, источник свободы. И истинная «теократия» должна была бы объявить непримиримую борьбу всем формам властвования, всем безбожным «кратиям» и признать человеческую личность единственным воплощением духа Божьего. На «земле», в эмпирическом, «природном» мире нет ничего выше человеческой личности, это высшая форма бытия и на нее падает миссия освобождения мира путем всемирно-исторического прогресса. Сверхчеловеческая освободительная мощь идет лишь из глубины метафизической природы личности, лишь изнутри, а не извне, как это полагают все государственные позитивисты, все сторонники земных, позитивных «кратий».

Таким образом мистицизм приводит нас к оправданию решительного индивидуализма и анархизма, который мы не противопоставляем ни религиозно-философскому универсализму, ни социальному демократизму. Государственному позитивизму мы должны противопоставить правовой идеализм, мистическому оправданию власти — мистическое оправдание свободы. Все романтические чаяния, все интимные запросы человеческой природы только тут могут найти себе приют. Консерватизм же неизбежно вырождается в оголенное и бесстыдное насильничество и приводить он может в свою пользу только самые позитивные и утилитарные аргументы. Консерваторы еще могут защищать свою теорию насилия ссылками на блага людей, на счастье, довольство и успокоение, во имя которых власть должна лишать людей свободы, всегда трагической, рождающей не только радость, но и горе. «Московские Ведомости» постоянно апеллируют ко благу русского народа или к его насильственному спасению, т. е. к позитивизму или открытому или одетому в религиозный костюм. Государственный консерватизм неизбежно носит утилитарный характер и каждым своим проявлением отрицает абсолютные ценности, неотъемлемые права, религиозно-метафизический смысл свободы.

Но часто направления прямо противоположные консерватизму стоят на той же почве государственного позитивизма и утилитаризма и не в состоянии дать настоящего оправдания свободы, построить ту теорию индивидуализма, о которой мы говорили выше. Внешнему насилию можно противопоставить только внутреннюю свободу, государственной власти — абсолютные права. От одной организованной насильственной власти нельзя искать спасения в другой организованной насильственной власти, а позитивизм и утилитаризм бессилён нас вывести из этого круга. Позитивистическая власть или идеалистическое безвластие — вот настоящая дилемма. И поражают своей наивностью некоторые индивидуалистические теории общества, которые соединяют суверенность личности и безмерную ее свободу с материалистическим мировоззрением.

Никогда еще в истории власть консервативных начал, начал реакционного государственного позитивизма не заходила так далеко, не давила так духовную культуру, как у нас в России. Всю эту систему беспощадно критиковали и лучшие русские люди всегда отрицали ее в корне, но есть угол зрения, под которым редко смотрели на наш практический консерватизм. Наша консервативная система есть организованное, нигилистическое в самом точном смысле этого слова отрицание культуры, отрицание религии, философии, науки, литературы, искусства, нравственности, права, всего духовного содержания человеческой жизни. Консерваторы наши превратились в настоящих нигилистов и поддерживают заговор против всякого творчества в жизни. Нельзя признавать и утверждать духовную культуру и отрицать ее единственного носителя и творца — человеческую личность, ее право на свободное самоопределение. Нигилистическим является начало власти, так как оно всегда отрицает что-нибудь, препятствует чему-нибудь, начало же свободы является творческим, оно что-то создает или сметает по пути то, что задерживает творческое созидание.

Русский консерватизм невозможен потому, что ему нечего охранять. Славянофильская романтика выдумала те идеальные начала, которые должны быть консервированы, их не было в нашем историческом прошлом. Поэтому консерватизм наш не утверждал какую-то своеобразную культуру, а отрицал творчество культуры, переродился в нигилистическое реакционерство. Творческие силы организуются, чтобы уничтожить власть нигилистического отрицания.